

Региональные особенности массовых политических репрессий (на примере корейцев Дальнего Востока)

Ж.Г. Сон
Москва,
Институт российской истории РАН,
соискатель

В 1923 – 1924 гг. новая система власти только формировалась, и свои мероприятия большей частью осуществляла с помощью вооруженной силы. Разоренное Первой мировой и Гражданской войнами хозяйство страны не обеспечивало потребности государства. Главным источником поступления налогов в казну в этих условиях стало крестьянство.

В 1923 г. по инициативе Дальревкома и региональных финорганов был повышен разряд обложения налогом почти всех губерний Дальнего Востока: для Амурской и Забайкальской – с четвертого на пятый, для Приморской – с третьего на четвертый. Кроме того, в Амурской губернии налоги стали собирать исходя из суммы 1,68 млн. руб., что соответствовало высокому, восьмого разряда обложению, хотя налог для этой губернии был установлен в сумме 1,27 млн. рублей¹.

Связано это было с тем, что Дальневосточный край вошел в состав Советского государства в конце 1922 г., а налог стали собирать только с 1923 г. В условиях восстановительного периода, как считает С.А. Головин, местные партийные власти попытались собрать продовольственный налог частью за 1922 г. и пошли на увеличение цифр налоговоставок. Дальревком требовал выполнения планов по сбору сельхозналога любой ценой и в кратчайшие сроки. Налоговая кампания сопровождалась массовыми злоупотреблениями местных властей.

Введение на территории советского Дальнего Востока единого сельскохозяйственного налога было встречено крестьянством и казачеством

¹ Головин С.А. История политических репрессий на Дальнем Востоке России. 1920 – 1930-е годы. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Благовещенск, 2000. С. 80.

крайне враждебно. Большую часть территории Дальнего Востока еще с царских времен занимали Амурское и Уссурийское казачества. Амурское казачье войско насчитывало около 50 тыс. человек, ему принадлежало около 970 тыс. десятин земли². Уссурийское казачье войско насчитывало к 1916 г. около 40 тыс. человек³. В 1930-е гг. государство решило казачий вопрос в рамках сталинских методов коллективизации, раскулачивания, политических репрессий.

Только по Амурскому округу было утверждено к раскулачиванию и выселению по первой категории 216 дворов (1082 чел.), по второй – 339 (1997 чел.), по третьей – 560 (2815 чел.), около 2, 4 % всех семей⁴.

Репрессии, сопутствовавшие коллективизации и раскулачиванию населения, коснулись и корейцев. Среди старожил-корейцев была существенная прослойка зажиточных крестьян. Выявить количество раскулаченных корейских хозяйств не представляется возможным, т.к. местные советские органы, учитывая в целом количество раскулаченных хозяйств, не фиксировали статистику раскулаченных хозяйств в условиях нового административного деления.

Эти меры вынудили многих корейцев покинуть насиженные места. Например, из Шкотовского района ушло 600 семей, работавших на рисовых плантациях⁵. Многие корейцы бежали за границу. За период с 1 января по 1 мая 1930 г., по сведениям ОГПУ, таковых было 1285 человек⁶.

Начало массового бегства в октябре – декабре 1929 г. характеризовалось преобладанием представителей зажиточных хозяйств, подвергнутых взысканиям за не сдачу хлебных излишков. Но уже в следующем году за границу уходили главным образом безземельные бедняки (поодиночке и семьями), испытавшие пресс «перегибов» коллективизации.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Лыкова Е.А., Проскурина Л.И.* Третья волна иммиграции: «Корейский вопрос» в Приморской деревне в 20 – 30-е годы XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 2. С. 83, 85.

⁶ Там же.

Об этом свидетельствуют следующие цифры: в январе – апреле 1930 г. бежало кулаков – 260, середняков – 344, бедняков – 641, батраков – 4, остальные – не установлены⁷.

Среди беглецов встречались и такие, кого власти считали своей политической опорой, это комсомольцы и члены сельсоветов. Больше всего корейцев ушло из Сучанского, Посъетского и Шкотовского районов Владивостокского округа. Часть из них задерживалась на границе советской погранохраной. Отмечались также единичные случаи возвращения корейцев из-за границы в связи с тем, что там их положение оказалось еще хуже, чем в России.

В начале 1930-х гг. репрессии по отношению к корейскому населению продолжались в связи с осложнением международной обстановки на Дальнем Востоке. После захвата Японией территории Маньчжурии на советской территории с 1932 по 1936 гг. было арестовано 1090 корейцев. Причем, по данным О.Б. Мохозина⁸, только в 1932 г. было арестовано 1275 корейцев.

По данным архивных материалов по Дальневосточному краю, в период с 1920 по 1938 гг. политическим репрессиям подверглись 1922 корейца, из них в Приморской обл. было арестовано 759 человек⁹, Уссурийской обл. – 477¹⁰, Хабаровской обл. – 268¹¹, Еврейской АО – 63¹², Амурской обл. – 77¹³, Сахалинской обл. – 278¹⁴ (по другим данным – 964 чел.¹⁵)

⁷ Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. / Сост.: А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова. Владивосток, 2002. С. 74.

⁸ См.: *Мохозин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918 – 1953). М., 2006.

⁹ Составлено по данным мартиролога. Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938. Кн. 1 – 12.

¹⁰ Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938. Кн. 3.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же; Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=24596&r=4&c=2847&p=24614&l=24692>

Дата: 04.06.2009.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Белая книга депортации корейского населения России в 30 – 40-х годах / Сб. док. Авт.-сост.: Ли У Хе, Ким Ен Ун. Кн. 2. М., 1997. С. 66.

В Приморской области ДВК по социальному составу из 653 репрессированных корейцев, было арестовано рабочих 136 человек (промышленные и транспортные – 99; сезонные, сельскохозяйственные и прочие – 37), колхозников – 105, крестьян – 74, единоличников 10, интеллигенции – 38, учащихся высшей и средней школы – 15, военнослужащих – 23. Определенную прослойку репрессированных составлял деклассированный элемент «без определенных занятий» и перебежчики из-за границы – 96 человек.

Из них уроженцами России оказались 194 человека, Кореи – 418, Китая – 37, Японии – 1, нет сведений – 3. По возрастному составу арестовано: до 18 лет – 4 человека, с 18 до 25 лет – 93, с 26 до 35 лет – 220, с 36 до 60 лет – 311, свыше 60 лет – 22, нет сведений – 3. По партийной принадлежности: бывших членов и кандидатов ВКП(б) – 18, бывших членов и кандидатов ВЛКСМ – 6, члены Китайской компартии – 3 человека.

По решению судебных органов были приговорены к расстрелу – 242 человека, ИТЛ до 25 лет – 1, ИТЛ до 20 лет – 8, ИТЛ до 10 лет – 83, ИТЛ до 4 лет – 77, ИТЛ до 3 лет – 92, ссылке и высылке – 21, умерли во время следствия – 2, нет сведений о решении судебных органов – 6, освобождены из под стражи из-за отсутствия состава преступления – 121. С 1928 г. репрессии в отношении корейцев постепенно усиливались, максимальное количество арестованных в Приморской области Дальневосточного края достигает в 1937 г. – 269 человек.

Хронология арестов по Приморской области выглядит следующим образом: в 1924 г. арестован 1 человек, в 1925 – 1, в 1926 – 1, 1928 – 1, 1929 – 5, 1930 – 31, 1931 – 78, 1932 – 68, 1933 – 55, 1934 – 35, 1935 – 44, 1936 – 42, 1937 – 269, 1938 – 17, 1939 – 5 человек. Данные показывают, что в Приморье корейцы подвергались репрессивным воздействиям с 1924 г. Усиление репрессий наблюдается в 1931 – 1932 гг. и в 1937 году.

Самая трудоспособная часть корейского населения в возрасте от 36 до 60 лет была подвергнута репрессиям – 311 человек, население в возрасте от

25 до 35 лет – 220, с 18 до 25 лет – 93, свыше 60 лет – 22, до 18 лет – 4, нет сведений – 3 человека. Из 653 корейцев было репрессировано 25 женщин.

В ходе исследования выявлен список репрессированных из 63 человек по Амурской области Дальневосточного края. В области проживало в 1935 – 1936 гг. 4200 корейцев.

Социальный состав арестованных корейцев выглядит следующим образом: рабочих – 13 человек, колхозников – 13, крестьян – 18, ИТР – 3, прочие служащие – 3, председатели колхозов – 3, служащие районных и сельских учреждений и предприятий – 1, прочие трудящиеся – 14, деклассированный элемент – 1, нет сведений – 7.

Среди них 54 человека были выходцами из Кореи, 17 человек родились в России, 6 – в Китае. По возрастному составу до 18 лет был арестован – 1 человек, с 18 до 25 лет – 20, с 25 до 36 лет – 16, с 36 до 60 лет – 42, свыше 60 лет – 4, нет сведений – 3.

По решению судебных органов осуждены к расстрелу 49 человек, ИТЛ до 10 лет – 4, ИТЛ до 5 лет – 8, ИТЛ до 3 лет – 12, освобождены из-за отсутствия состава преступления – 4.

Хронология арестов выглядит следующим образом: в 1932 г. арестовано 9 чел., затем по нарастающей: в 1937 г. – 24, в 1938 г. – 33 человека. Эти данные позволяют сделать вывод, что в Амурской области после депортации еще оставались корейцы, по всей видимости, те, кому удалось смешаться среди местных туземных народов или скрыться в тайге.

Вышеприведенные сведения свидетельствуют о том, что репрессии были направлены на обычных людей: рабочих, колхозников и крестьян.

Первая волна усиления репрессий приходится на конец 1931 г. – начало 1932 г. после оккупации Японией северной Маньчжурии. На Дальнем Востоке ОГПУ активизировало поиск шпионов-диверсантов среди корейского населения. Поиски «японских шпионов» велись в основном среди местного населения, обычных граждан, например:

Дон Кван-Нер¹⁶, 1888 г.р., уроженец г. Менченгун (Корея), нет гражданства, грамотный, проживал на хуторе Шитухэ Таванненского с/совета Покровского района ДВК. Арестован 21 апреля 1931 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-6, 58-9 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК **21 февраля 1932 г.** приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение (дата и место смерти в деле не указаны). Реабилитирован 24 октября 1955 г. Военным трибуналом Дальневосточного военного округа.

Ким Мария Тимофеевна¹⁷, 1889 г.р., родилась в Корее, нет гражданства, малограмотная, проживала в д. Синельниково Покровского района ДВК. Арестована 27 апреля 1931 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-6, 58-9 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК **21 февраля 1932 г.** приговорена к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение (дата и место в деле не указаны). Реабилитирована 24 октября 1955 г. Военным трибуналом Дальневосточного военного округа.

Ким Су-Сан¹⁸, 1900 г. р., уроженец Гёнхын провинции Дектидон (Корея), документов о гражданстве не имел, грамотный, проживал в г. Никольск-Уссурийск ДВК. Арестован 9 апреля 1931 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-6, 58-9 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК **21 февраля 1932 г.** осужден к 10 годам заключения в концлагерь, считая срок с 09.04.1931 г. Данных о месте заключения, об освобождении или смерти в местах лишения свободы в деле не имеется. Реабилитирован 24 октября 1955 г. Военным трибуналом Дальневосточного военного округа.

Несмотря на достаточно длительное проживание корейцев на территории Дальнего Востока, советская власть относилась к ним с недоверием. Как отмечалось выше, руководство ДВК с большим трудом выдавало гражданство иммигрантам из Кореи. Лица, не получившие советского гражданства, находились под неусыпным наблюдением карательных органов. Подозрительное отношение к ним позволяло применять по отношению к корейцам ст. 58 УК РСФСР (Преступления государственные). По этой статье их осуждали с 1920-х гг. и на протяжении всего сталинского периода. Названная статья предусматривала расстрел с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – 10 лет лишения свободы.

Вышеназванные арестованные обвинялись по ст. 58-6 и 58-9 УК. В ст. 58-6 УК РСФСР есть такой пункт: «Участие в организации, действующей в целях, означенных в ст. 58-1 настоящего кодекса, путем возбуждения

¹⁶ Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938. Кн. 3. С. 26.

¹⁷ Там же, с. 106.

¹⁸ Там же, с. 115.

населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации, – те же меры социальной защиты».

А в ст. 58-9 записано: «Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений – меры социальной защиты, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 58-2».

Архивные документы свидетельствуют о том, что названные граждане являются участниками организации, действия которой направлены к свержению, подрыву власти рабоче-крестьянских Советов и советского правительства. Расстреливая, отправляя в лагеря малограмотных, не говорящих по-русски корейцев, советская власть, таким образом, принимала меры социальной защиты советского населения.

В 1933 г. в Приморской обл. 243 репрессированных корейца, главным образом являются рабочими и земледельцами, т.е. обычные люди. Характерно, что арестованные содержались в тюрьмах, где зачастую годами ждали своей участи (например, Ким Ги Хо). По всей видимости, власти не знали к чему придраться, чтобы вынести приговор, 1937 год внес свои коррективы – расстреливали без причин. Приговоренного к 10 годам заключения в концлагере Ю Мён Хи продолжал быть опасным для советского общества, в 1938 г. его расстреляли в лагере. Доказательствами являются следующие архивные справки:

Ким Ги Хо¹⁹, 1889 г.р., уроженец Кореи, гражданин СССР, проживал в г. Владивостоке Уссурийской обл. ДВК, работал грузчиком. Арестован 21 сентября 1933 г. по обвинению в шпионаже в пользу Японии (обвинение по ст. УК РСФСР квалифицировано не было), содержался в тюрьме г. Владивостока. Тройкой при УНКВД по ДВК 19 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор

¹⁹ Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938. Кн. 3. С. 87.

приведен в исполнение 17 декабря 1937 г. в г. Владивосток. Реабилитирован 28 ноября 1989 г. Военной прокуратурой КТОФ.

Ким Даниил Петрович²⁰, 1904 г.р., уроженец с. Корсаковка Суйфунского района Дальневосточного края, гражданин СССР, проживал в пос. Пластун Приморской обл. ДВК, рабочий на заводе № 6 ДГРТ. Арестован 16 марта 1933 г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК 5 сентября 1933 г. осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Данных о месте заключения, об освобождении или смерти в местах лишения свободы в деле не имеется. Реабилитирован 27 декабря 1989 г. Прокуратурой Приморского края.

Ю Мен Хи, он же **Югай Андрей Михайлович**²¹, 1893 г.р., уроженец г. Сечи Кореи, гражданин СССР, малограмотный, проживал в пос. Находка Сучанского района ДВК, работал грузчиком. Арестован 21 марта 1933 г. по обвинению: «... в период интервенции служил в японской жандармерии...», – ст. 58-13 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК 5 августа 1933 г. осужден к 10 годам заключения в концлагерь. Отбывал наказание в Красноярском крае. Тройкой при УНКВД по Красноярскому краю 13 февраля 1938 г. вновь осужден и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговоре приведен в исполнение (дата и место не установлены). Реабилитирован 30 ноября 1989 г. Прокуратурой Приморского края.

В ст. 58-10 УК РСФСР указано: «Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов государства, – расстрел. Передача или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или по распоряжению руководителя ведомства, учреждения и предприятия, за вознаграждение или безвозмездно организациям или лицам, указанным в части 1 настоящей статьи, – лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до трех лет».

Грузчики, рабочие, фотографы, домохозяйки являлись потенциальной угрозой для советской власти и советского общества.

²⁰ Там же, с. 90.

²¹ Там же, с. 250.

В середине 1930-х гг. в городах СССР вводится паспортная система, в тюрьмы попадают те, кто не имеет паспорта, занимается бродяжничеством. 1 июля 1934 г. в УК 1926 г. добавляется статья 192-а по «беспаспортным», срок наказания определен в два года, однако приговаривали в основном от трех до пяти лет.

Среди корейцев арестовывались лица без определенных занятий, без гражданства, перебежчики из заграницы, а также крестьяне и осуждались по статье 58 УК РСФСР²².

В феврале – марте 1934 г. вскрыты в Благовещенске и Николаевске-на-Амуре раскрыты «разветвленные шпионские сети японского консульства», возглавляемые, соответственно, секретарем Имаи Дзюро и консулом Сасаки. По этому делу было арестовано 40 человек в Благовещенске и 25 – в Николаевске-на-Амуре (арестованы были люди, обслуживающие японские представительства и их родственники)²³.

Вредительские и контрреволюционные организации начинают выявляться повсеместно на территории Дальнего Востока. В течение 1935 г. шли поиски членов корейской контрреволюционной организации «Эм-Эль-Дан», а также члены японофильского общества «Минхвэ», которое было разоблачено еще в 1932 г.²⁴. В 1935 г. было арестовано 261 кореец. Активность в работе карательных органов на Дальнем Востоке была отнюдь не случайна, а связана с убийством С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. в Ленинграде. В связи с этими событиями 18 января 1935 г. ЦК ВКП(б) разослал всем партийным организациям «Закрытое письмо». В нем сообщалось о троцкистско-зиновьевской организации в Москве и необходимости повысить революционную бдительность, а также о выявлении оппозиции в ДВК.

Весь 1935 г. проходит под знаком разоблачения «троцкистско-зиновьевских бандитов и убийц Кирова». Газета «Тихоокеанская звезда» вела

²² См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938. Кн. 1 – 12.

²³ См.: Головин С.А. Указ. соч. С. 174.

²⁴ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938. Кн. 1 – 12.

идеологическую обработку населения по следующим направлениям: борьба с троцкизмом как главной опасностью, выявление врагов народа на предприятиях города и в селах, разоблачение троцкистских группировок и заговоров, борьба с саботажем стахановского движения.

Двойственное отношение советской власти к корейскому населению ярко проявилось в средствах массовой информации. С одной стороны, корейцы рассматривались как самые активные строители социализма на Дальнем Востоке. Фактически в каждом номере газет «Красное Знамя» и «Тихоокеанская звезда» помещались статьи и очерки о передовиках производства, сельского хозяйства и стахановцах. В них делается акцент на том, что советская власть предоставила им свободу, землю, которых они не имели на своей родине в Корее. В ноябре 1935 г. в «Тихоокеанской звезде» помещена статья о том, что к 18-ой годовщине Октября киностудия «Мосфильм» выпустила новый фильм режиссера А.П. Довженко «Аэроград». Фильм посвящен героическим революционным событиям на Дальнем Востоке, одним из главных героев фильма показан начальник корейского партизанского отряда Цой²⁵.

С другой стороны, в 1934 г. в газете «Правда» и в дальневосточных газетах появляется информация о судебном процессе шпионско-диверсионной организации на железнодорожном транспорте во главе с Ким Заеном²⁶. С 28 января по 4 февраля 1936 г. в «Тихоокеанской звезде» печатается материал о процессе шпионов и диверсантов. В течение недели в сознание граждан ДВК и Союза ССР активно насаждается информация о том, что 20 корейцев и один русский-белогвардеец по поручению «некоего государства» проводили разведывательную работу на территории советского Дальнего Востока. 25 января 1936 г. военным трибуналом ОКДВА оглашен приговор, в котором Ли Шен До, Ким И Себ, Семена Георгий, Пак Ен Ха,

²⁵ Тихоокеанская звезда. 14 ноября 1935.

²⁶ Красное знамя. 27 июля 1934.

Тю Хва Сун приговорены к расстрелу, остальные – к разным срокам заключения в ИТЛ от 3 до 10 лет²⁷.

В РГВА хранятся информационные сводки Военного трибунала и Военной прокуратуры ОКДВА, в которых указано, что за сентябрь 1935 г. по ДВК арестованы 23 корейца²⁸, в феврале 1936 г. – 26 корейцев²⁹, все они осуждены как шпионы и диверсанты. Информация Военного трибунала и Военной прокуратуры не содержит в себе сведений о количестве арестованных внесудебными тройками УНКВД по ДВК и судебными органами. Репрессии по отношению к корейскому населению набирали обороты.

Дальнейшая установка на усиление репрессий была продиктована в докладе И.В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

В резолюции Пленума по докладу Н. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось: «Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все акты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что в разоблачении этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года». С этим утверждением не все были согласны. На Пленуме ЦК в выступлениях ряда членов ЦК высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками»³⁰.

Позже на собрании руководящих работников Главного управления государственной безопасности НКВД СССР 19 марта 1937 г. в своем докладе «Об итогах пленума ЦК ВКП(б)» Н.И. Ежов, ссылаясь на телеграмму И.В. Сталина и решения пленума ЦК ВКП(б), потребовал от всех

²⁷ РГВА. Ф. 33879, оп. 1, д. 75; Амурская правда. 20 января 1936; Тихоокеанская звезда. 28 января – 4 февраля 1936.

²⁸ РГВА. Ф. 33879, оп. 1, д. 75.

²⁹ Там же, д. 95.

³⁰ См.: Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 147.

сотрудников органов государственной безопасности сделать необходимые выводы. «Времени упущено очень много. Поэтому главная задача – в относительно короткий срок наверстать все упущенное в разгроме врага»³¹. Эти установки Н.И. Ежова, по сути дела, были призывом к повсеместному развертыванию массовых арестов граждан при отсутствии достаточных доказательств их виновности. Органы НКВД СССР фактически получили неограниченные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма».

С марта 1937 г. поиски «японских агентов» начались во всех корейских колхозах: «Дальневосточный партизан», «Трактор», «Новый путь», «Тревога», «Октябрьская революция», «Искра-Октябрь», «Просвещение», «Большевик», на приисках «Незаметный», «Благодатный», в рыболовецких колхозах и совхозах, лесхозах и т.д. В 1937 г. на Дальнем Востоке было репрессировано 1436 человек³², из них более 50% являлись рабочими, колхозниками, крестьянами.

В апреле 1937 г. «Правда» печатает статью И. Володина «Иностраннный шпионаж на советском Дальнем Востоке»³³, в июле «Известия» публикуют статью К. Кирилловича «Шпионы некоей державы»³⁴. Обе статьи содержат информацию о готовящейся войне Японии с СССР, с этой целью на ДВК ею активно проводятся разведывательные и диверсионные операции против СССР и используются при этом корейцы.

В июне 1937 г. «Известия» печатают статью Татьяны Тэсс «На Дальнем Востоке». В ней дается информация о книге П. Павленко «На Востоке», по мотивам которой, был снят и художественный фильм. В этом произведении одна из главных ролей принадлежит корейцу по фамилии Цой, только роль его совершенно противоположна предыдущей, он – японский шпион. Характеристика этого героя следующая: «Как развернулся Цой – этот

³¹ Там же.

³² См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938. Кн. 1 – 12.

³³ Правда. 23 апреля 1937.

³⁴ Известия. 24 июля 1937.

«замученный маленький человечек», который еще недавно приплыл на наш берег! Артист Свердлин, играющий Цоя, показал подлинно блестящее мастерство. Два человека, два образа, идущие рядом, – доверчивый партизан и опаснейший японский шпион...»³⁵.

В конце июля 1937 г. Сталин, отправляя Г.С. Люшкова³⁶ на Дальний Восток инструктировал его: «Война с Японией неизбежна; Дальний Восток, несомненно, станет ареной боевых действий. Необходимо очистить армию и тыл наиболее решительным способом от вражеских шпионов и прояпонских элементов. ... Япония имеет основу для шпионажа и подготовки восстания посредством корейцев и китайцев»³⁷.

Прибыв в Хабаровск 9 августа 1937 г., Люшков развил активную деятельность в точном соответствии с полученными в Москве инструкциями. С его прибытием на Дальнем Востоке аресты в УНКВД по ДВК и областных управлениях и расстрелы приобрели массовый характер. Из стенограммы допроса Г.С. Люшкова японцами, известно, что накануне депортации корейского населения в сентябре 1937 г., было арестовано 2, 5 тыс. корейцев.

Репрессии проходили по всей территории ДВК. На Сахалине за весь исследуемый период было репрессировано 278 человек (по другим данным 964). Только с 21 августа по 6 ноября 1937 г. к расстрелу были приговорены более 100 корейцев³⁸, среди них рыбаки, артельщики, фотографы, парикмахеры и др.

В августе – сентябре 1937 г. в ходе депортации корейского населения в Хабаровске арестованы 12 корейцев, среди них колхозники из колхоза «Гудок» от бригадира до малограмотных колхозников, председатель районного комитета Союза работников потребкооперации, директор

³⁵ Известия. 17 июня 1937.

³⁶ Люшков Генрих Самойлович (1900, Одесса – 19.08.1945). Зам. нач. Секретного политического отдела (СПО) ГУГБ НКВД СССР с 10.07.34 по 29.08.36; начальник УНКВД Азово-Черноморского края с 29.08.36 по 31.07.37; начальник УНКВД по Дальневосточному краю с 31.07.37 по 13.06.38. Получив вызов в Москву, совершил побег в Маньчжурию утром 13.06.38, выступил с серией газетных интервью, разоблачающих сталинский террор.

³⁷ Соох, 1998. Р. 151. Из стенограммы допроса Люшкова, проводившегося в Токио в ноябре 1938.

³⁸ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934 – 1938. Кн. 1 – 12.

ресторана, заведующий магазином, парикмахер, чернорабочий, продавец с лотка и один человек – без определенных занятий. Они ждали своей участи в хабаровской тюрьме до 20 февраля 1938 года³⁹. После утверждения Политбюро дополнительных «лимитов» по Дальневосточному краю с 1 февраля 1938 г., этих корейцев расстреляли в один день.

Характерно, что в сельской местности главари «повстанческих, диверсионных организаций» властью избирались грамотные, руководящие работники – председатели колхозов, их заместители, зоотехники, агрономы, служащие районных и сельских предприятий, колхозники, землепашцы, рыбаки и т.д.

В городской черте «главными японскими шпионами» становились работники обкомов, райкомов, руководящий состав учреждений и предприятий, прочие служащие, а участниками становились рабочие и все остальные социальные представители социальных слоев корейского общества. Советским руководством проводилась запланированная акция по обвинению корейского населения в «японском шпионаже».

³⁹ Списки жертв по Хабаровскому краю. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memo.ru/memory/spiski.htm> Дата: 04.06.2009.